

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2026.50.39.017

Право на жизнь в системе конституционных ценностей: сравнительно-правовой анализ реализации и критерии оценки

Махова Софья Артемовна

Студент,

Санкт-Петербургский филиал им. В.Б. Бобкова

Российской таможенной академии,

199178, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Уральская ул., 22;

e-mail: maxova30@bk.ru

Федоров Андрей Романович

Студент,

Санкт-Петербургский филиал им. В.Б. Бобкова

Российской таможенной академии,

199178, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Уральская ул., 22;

e-mail: mkg@jur.unn.ru

Аннотация

Право на жизнь традиционно рассматривается через призму негативных обязанностей государства – прежде всего в контексте дискуссий о смертной казни, эвтаназии и определении момента возникновения жизни. Однако до настоящего времени содержательное наполнение права на жизнь остаётся недостаточно раскрытым как в доктрине, так и в конституционных актах, где доминирует узкий подход, сводящий его преимущественно к запрету произвольного лишения жизни. Данный подход, по мнению авторов, не учитывает, что человек является биосоциальным существом, а его жизнь представляет собой неразрывное единство физиологического существования и социального бытия, включающего возможность самореализации, достоинство, свободу выбора и участие в общественной жизни. Соответственно, реализация права на жизнь предполагает не только защиту от насильственной смерти и физического насилия, но и активное создание государством условий для достойного, полноценного и безопасного существования каждого человека – включая доступ к медицинской помощи, экологически безопасной среде, социальному обеспечению, достойному уровню жизни и правосудию. В статье проводится сравнительно-правовой анализ подходов к закреплению и реализации права на жизнь в конституциях различных государств, включая Российскую Федерацию, Германию, США, Францию и Японию, с целью выявления общих тенденций, национальных особенностей и критериев оценки эффективности реализации данного права. Особое внимание уделено формированию системы индикаторов (критериев) для оценки соблюдения права на жизнь со стороны государства, включающих показатели уровня преступности и насилия, доступности медицинской помощи, состояния окружающей среды, уровня социальной защищённости населения, а также соблюдения процессуальных гарантий при применении силы правоохранительными органами. На

основе проведённого анализа авторы приходят к выводу о необходимости расширения конституционной доктрины права на жизнь путём включения в его содержание не только

Для цитирования в научных исследованиях

Махова С.А., Федоров А.Р. Право на жизнь в системе конституционных ценностей: сравнительно-правовой анализ реализации и критерии оценки // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 6А. С. 138-151. DOI: 10.34670/AR.2026.50.39.017

Ключевые слова

Право на жизнь, свобода, запрет произвольного лишения жизни, конституционная ценность, обязанности государства, достойное существование, сравнительно-правовой анализ, критерии оценки.

Введение

Целью настоящей работы является доказать несостоятельность редукционистского подхода, сводящего право на жизнь исключительно к запрету произвольного лишения жизни и обосновать необходимость его понимания как комплексного института, включающего позитивные обязанности государства по созданию условий для достойной жизни. На основе сравнительно-правового анализа конституционных моделей стран-представительниц различных правовых семей, а также эмпирических данных международных рейтингов Numbeo, UNODC, Global Peace Index, World Justice Project выделяются биологические и социальные критерии реализации права на жизнь. В результате исследования выявляются государства, достигшие наиболее высокого уровня реализации права на жизнь и анализируются правовые факторы, обеспечивающие этот результат.

Гипотезами исследования выступают следующие предположения:

1. Если бы право на жизнь конструировалось в законодательстве как «свобода», это означало бы, что государство обязано охранять его от нарушений, т.е. имело бы только негативную обязанность. Поскольку право на жизнь закреплено именно как «право», это предполагает наличие у государства и позитивных обязанностей по его обеспечению, включая создание условий для достойного существования человека.

2. Определение понятия «право на жизнь» в настоящем исследовании исходит из понимания человека как биосоциального существа. Соответственно, жизнь человека представляет собой единство биологического и социального начал. Из этого следует, что реализация права на жизнь предполагает обеспечение физического выживания индивида и создание государством условий для его достойного социального существования.

3. Признание России социальным государством предполагает необходимость законодательного закрепления конкретных, измеримых критериев достойного уровня жизни. В современном правовом демократическом социальном государстве значение имеет не только временная продолжительность жизни человека, но и ее качество. Таким образом, на основе сравнительного-правового метода необходимо выделить критерии достойного уровня жизни. Без таких критериев право на жизнь как право на биосоциальное существование остается декларативным и не может быть полноценно реализовано.

4. Наиболее успешная реализация права на жизни достигается в государствах, где в единстве реализуются четыре конституционных принципа: социальность государства, светскость,

демократия и верховенство права.

Методами исследования выступают общенаучные методы, в частности, диалектический метод, анализ и синтез, а также системный метод. В работе используются такие специальные юридические методы, как сравнительно-правовой, формально-юридический, историко-правовой и статистический.

Основное содержание

По своей природе право на жизнь – это естественное, фундаментальное право человека, неотъемлемое и неотчуждаемое, оно принадлежит человеку независимо от закрепления в конституции и федеральных законах. Однако некоторые исследователи пишут о том, что закрепление данного права на конституционном уровне свидетельствует о признании государством своей обязанности гарантировать и защищать его [Трунтаева, 2010]. С этим мнением можно не согласиться, отсутствие акта не означает отсутствия защиты права на жизнь. В Великобритании, Новой Зеландии, Израиле и Канаде право на жизнь гарантировано через совокупность законов и международные обязательства. В Саудовской Аравии функции конституции выполняет Коран. Таким образом, форма закрепления может варьироваться, но само право на жизнь как фундаментальная ценность признается во всех правовых системах. Поэтому, именно гарантия, защита и охрана являются способами реализации, в которых право на жизнь раскрывает свое содержание.

Терминологическая определенность действующего законодательства является одним из важнейших принципов построения правового государства [Любчик, Максименко, 2023]. В связи с этим принципиальное значение приобретает вопрос о том, почему право на жизнь в конституционных актах определяется именно как «право», а не как «свобода», ведь принято считать, что по своей природе свобода, куда шире, чем право.

Свободу можно трактовать как сферу автономии личности, где государство обязуется не вмешиваться или минимально вмешиваться, а право – это конкретная возможность, обеспеченная государственной защитой, часто требующая активных действий. Свобода в конституционном праве чаще отвечает на вопрос «от чего?» или «в чем?». Например: свобода слова от цензуры; свобода совести от принуждения к вере; свобода передвижения от ограничений на перемещение. Жизнь не может быть обеспечена исключительно через пассивное воздержание государства от действий. Требуется не пассивная охрана от произвольного лишения жизни, а активная защита со стороны государства. Кроме того, в отличие от многих свобод, которые можно реализовывать факультативно, например, реализовывать свободу слова можно молчанием, право на жизнь носит характер абсолютной ценности. Таким образом, сама формулировка «право на жизнь» подразумевает обязанность государства.

Еще одним важным фактором терминологической определенности анализ того, как государства закрепляют право на жизнь. Именно из конституционного закрепления вытекают обязанности государства.

Для сравнения ст. 20 Конституции РФ – каждый имеет право на жизнь [Конституция РФ, 1993]. Конституция Грузии, в соответствии со ст. 15. – «Жизнь – неприкосновенное право человека, и оно защищено законом» [Конституция Грузии, 1995]. Многие российские правоведы подвергают критике формулировку грузинской Конституции, отмечая, что право всегда неприкосновенно, однако, в Конституции Грузии акцент сделан на защиту права, а не на

наличие.

В Конституции ФРГ содержится формулировка «Уважать и защищать человеческое достоинство – обязанность всякой государственной власти» [Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland, 1949]. В ст. 2 Конституции РФ содержится аналогичное определение: «Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства».

Несмотря на то, что кажется, что данные формулировки похожи, они имеют существенную разницу. Во-первых, в предмете. Конституция ФРГ защищает человеческое достоинство. Человеческое достоинство – это источник, а государство обязано уважать и защищать. В ст. 2 Конституции РФ предмет – права и свободы человека и гражданина.

То есть, в Германии правовая система защищает достоинство как первооснову, из которой выводятся все права. Конституция РФ защищает права и свободы, ставя их высшей ценностью. Достоинство личности в России защищается отдельно, статьей 21, но оно не является абсолютным для системы.

Ключевая разница в негативных и позитивных обязанностях, уважать – это негативное обязательство. Защищать – это позитивное обязательство, государство обязано создавать условия для достойного существования, защищать от посягательств третьих лиц. Так, сравнивая три конституции:

1. В России право на жизнь гарантировано и признано;
2. В Грузии право на жизнь защищено законом;
3. В Германии человеческое достоинство уважается и защищается государством.

Кроме того, в нормативистской теории Г. Кельзена: «в любой конституции есть иерархия предписаний», это означает, что каждая норма получает силу от вышестоящей [Чистое учение о праве Ганса Кельзена]. Иерархия прямо связана с конституционной самобытностью, которая может быть обозначена как ядро конституционных предписаний. Сравнивая конституции ФРГ и РФ через призму данной теории, можно сделать вывод о том, что ФРГ антропоцентричное государство – с человеком во главе, а в РФ – этатистское государство, во главе с государством. Интересным представляется формулировка в законе РСФСР «О гражданстве РСФСР» от 28.11.1991 г. закреплялось, что «Гражданство есть устойчивая правовая связь человека с государством, выражающаяся в совокупности их взаимных прав, обязанностей и ответственности, основанная на признании и уважении достоинства, основных прав и свобод человека» [Закон РФ «О гражданстве», 1991]. В последующих законах о гражданстве о взаимной ответственности человека и государства не упоминается.

В Конституции Японии ст. 13 закрепляет: «Все люди должны уважаться как личности. Их право на жизнь, свободу и на стремление к счастью должно являться, поскольку это не нарушает общественного благосостояния, высшим предметом заботы в области законодательства и других государственных дел» [Конституция Японии, 1946]. Верховный суд Японии рассматривает данную норму как общую и производную других прав, например, право на самоопределение, право на неприкосновенность частной жизни, экологические права. Так, право на стремление к счастью в Японии гарантирует свободное решение индивида относительно самого себя. Свобода самоопределения подразумевает все виды личной активности человека.

Таким образом, первая гипотеза настоящего исследования находит свое подтверждение: право на жизнь – это не свобода, а именно право, поэтому требует от государства исполнения не только негативных, но и позитивных обязанностей по его обеспечению. Различия в конституционных формулировках отражают лишь степень детализации этих обязанностей, но

не отменяют их наличия.

Понятие «жизнь» можно сформулировать из самого понятия «человек», так, общепринятое понятие: «человек – это биосоциальное существо». Таким образом, жизнь также включает в себя биологический и социальный критерий. Биологический критерий права на жизнь в большинстве своем и закреплён в конституциях государствах, в качестве запрета на произвольное лишение жизни.

Социальный критерий не получил столь широкого признания ни в конституционных актах, ни в доктрине. Однако некоторые конституционалисты, все-таки, применяют расширительное толкование. Так, Н.И. Матузов, рассматривая право на жизнь в свете российских и международных стандартов, пишет, что право на жизнь – это еще и право на достойное человеческое существование [Матузов, 1998]. О.С. Капинус и В.И. Макринская дают следующее определение праву на жизнь – «право на достойное человеческое существование, включающее в себя целый ряд так называемых смежных прав» [Капинус, Макринская, 2005].

Другие отечественные правоведы полагают, что право на жизнь является источником других прав. В частности, П. В. Анисимов, отмечает, что из права на жизнь теоретически были выведены и иные основные права человека [Анисимов, 2004]. О.И. Амельчаков считает:

«целесообразным в содержание права на жизнь наряду с обозначенными аспектами включать право на достойное и благополучное существование, что предполагает наличие в жизни человека минимального набора ресурсов, необходимых для жизни на уровне современного развитого общества (наличие работы, доступа к ценностям культуры и др.)» [Амельчаков, 2021].

Проводя сравнительно-правовой анализ, стоит отметить, что «достойная жизнь» обеспечивается принципом социальности. На основе исследования конституций основных стран-представителей различных правовых систем была составлена таблица. При составлении таблицы за основу международно-правового блока был взят международный пакт о гражданских и политических правах (далее по тексту – МПГПП) 1966 года [Международный пакт о гражданских и политических правах, 1966], Всеобщая декларация прав человека [Всеобщая декларация прав человека, 1948] и Европейская конвенция по правам человека (далее по тексту – ЕКПЧ) [Конвенция о защите прав человека и основных свобод, 1950], а также Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (далее по тексту – МПЭСКП) [Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, 1966].

Российская Федерация выделена из графы «Романо-германская правовая система» в отдельную колонку, поскольку, несмотря на традиционное отнесение к романо-германской правовой семье, российская правовая система обладает существенными особенностями, обусловленными историческим развитием, постсоветским правовым наследием и спецификой конституционного регулирования. Кроме того, выделение России в самостоятельную графу продиктовано целями настоящего исследования, в котором анализ российского конституционно-правового регулирования прав, составляющих содержание права на жизнь, имеет приоритетное значение.

Таким образом, право на жизнь не исчерпывается запретом произвольного лишения жизни. По своей правовой природе оно представляет собой комплексный институт, включающий в себя совокупность прав, обеспечивающих как биологическое существование человека, так и его достойное человеческое существование. Представленные в таблице права являются не факультативными дополнениями к праву на жизнь, а его неотъемлемыми структурными элементами.

Таблица 1 - Сравнительный анализ закрепления прав, обеспечивающих реализацию права на жизнь в международном праве и национальных правовых системах

Право	Международное право	Романо-германская правовая система	РФ	Англосаксонская правовая система (США, Англия)	Религиозная правовая система (ислам)
Право на достоинство личности	ст. 1 Всеобщей декларации	Конституции ФРГ (ст. 1), Италии (ст. 3)	Ст. 21	в судебных прецедентах	Иран (ст. 39), Саудовская Аравия (ст. 26)
Право на физ. и псих. неприкосновенность	ст. 7 МПГПП, ст. 3 ЕКПЧ	Конституции Испании (ст. 15), Италии (ст. 13)	Ст. 21	в судебных прецедентах	Саудовская Аравия (ст. 37)
Право на свободу и личную неприкосновенность	ст. 9 МПГПП, ст. 5 ЕКПЧ	Конституции Франции (ст. 66), Италии (ст. 13)	Ст. 22	Magna Carta (ст. 39), Habeas Corpus Act	Саудовская Аравия (ст. 37)
Право на неприкосновенность частной жизни	ст. 17 МПГПП, ст. 8 ЕКПЧ	Конституции ФРГ (ст. 13), Италии (ст. 14)	Ст. 23 - 24	Частично в Билле о правах	Саудовская Аравия (ст. 37, 40, 18)
Право на медицинскую помощь	ст. 12 МПЭСКП	Конституции Италии (ст. 32), Испании (ст. 43)	Ст. 41	-	Саудовская Аравия (ст. 31)
Запрет смертной казни	Протокол № 6, №13 к ЕКПЧ, II Факультативный протокол к МПГПП	В Беларуси не отменена	Ст. 20	В некоторых штатах США не отменена	Саудовская Аравия и Иране не отменена
Право на благоприятную окружающую среду	Стокгольмская декларация 1972, Африканская хартия человека	Конституции Франции (Хартия окруж. среды)	Ст. 42	-	Саудовская Аравия (ст. 32)
Право на жилище	ст. 25 Всеобщей декларации (косвенно)	Конституции Испании (ст. 47), Португалии (ст. 65)	Ст. 40	-	Саудовская Аравия (ст. 27 - соц. обеспечение)
Право на справедливый суд	ст. 14 МПГПП, ст. 6 ЕКПЧ	Конституции ФРГ (ст. 103), Италии (ст. 24)	Ст. 46-50	Magna Carta (ст. 39), Билль о правах	Саудовская Аравия (ст. 8)
Запрет жестокого наказания	ст. 7 МПГПП, ст. 3 ЕКПЧ	Конституции ФРГ (ст. 104), Италии (ст. 27)	Ст. 21	Билль о правах 1689 г.	Саудовская Аравия (ст. 38 - индивидуально)
Право на питание	ст. 25 Всеобщей декларации	-	-	-	-
Запрет самоубийств и аборт	-	-	-	-	Коран (4:29)

Для подтверждения второй гипотезы будет проведен следующий анализ. Биологический и социальный критерии права на жизнь находятся в неразрывном единстве, отсутствие одного делает невозможной полноценную реализацию другого. Содержательными элементами права

на жизнь будут выступать следующие критерии, разделенные на две основные категории. Первая – биологические, фактическое лишение жизни человека, а также обязанность государства по предотвращению преступности и вынесения наказания. Критерий – верховенство права и качество полицейского аппарата, низкий уровень насильственной преступности, отсутствие вооруженных конфликтов и внутренней нестабильности. Предполагаемые индикаторы – индекс верховенства закона (the world justice project), уровень доверия к полиции, статистика случаев применения силы со смертельным исходом. К элементу запрета смертной казни будет еще применен критерий условий содержания в тюрьмах.

Вторая – социальные, то, без чего жизнь человека не может считаться достойной.

Кроме того, в исследовании учитывался фактор числа самоубийств.

Таким образом, критерии исследования реализации права на жизнь:

1. Запрет произвольного лишения жизни – никто не может быть умышленно лишен жизни, кроме случаев законного применения силы и ограничения смертной казни, а также расследование смертей – правоохранительные органы обязаны проводить эффективное расследование случаев насильственной или подозрительной смерти.

2. Обеспечение условий жизни – право на жизнь, включающее аспекты, связанные с охраной здоровья, экологией, борьбой с голодом и снижением детской смертности.

Проведенное исследование выявило устойчивую корреляцию между реализацией социальных и биологических аспектов права на жизнь. В странах, достигших наиболее высокого уровня социального обеспечения, биологические показатели также демонстрируют стабильно высокие результаты. Данные результаты позволяют сделать вывод о том, что социальные условия выступают фундаментом для биологического выживания.

Таблица 2 - Сравнительная таблица стран-лидеров по ключевым медико-социальным и биологическим критериям безопасности

Критерий	Страна-лидер	Источник/индикатор
Доступность медицины (социальный фактор – далее С)	Тайвань, Южная Корея, Япония, Нидерланды, Франция, Дания, Испания	Numbeo (2025-2026)
Низкий уровень детской смертности (биологический фактор – далее Б)	Япония, Исландия, Финляндия, Словения Сингапур,	Данные ВОЗ, ЮНИСЕФ
Качество экологии, С	Исландия, Финляндия, Швеция, Дания, Норвегия, Швейцария, Новая Зеландия	Индекс экологической эффективности (EPI)
Низкий уровень убийств, Б	Исландия, Сингапур, Япония, Норвегия, Швейцария, Индонезия	UNODC
Общая безопасность и миролюбие, Б	Исландия (1-е место 17 лет)	Global Peace Index
Качество исследований преступлений, Б	Финляндия, Сингапур, Исландия Швейцария,	Уровень доверия к полиции
Верховенство права, качество полиции и низкий уровень применений силы, Б	Норвегия, Финляндия, Швейцария, Новая Зеландия, Германия	World Project, Justice
Отсутствие смертной казни и гуманные условия содержания, Б	Канада, Австралия, Португалия, Италия, Испания, Германия, Франция	Amnesty International, Европейский комитет по предупреждению пыток
Отсутствие вооруженных конфликтов, Б	Исландия, Швейцария, Ирландия, Австрия, Словения	Global Peace Index
Судебная независимость и	Дания, Норвегия, Финляндия,	World Economic Forum

Критерий	Страна-лидер	Источник/индикатор
прозрачность, С	Нидерланды, Швейцария	
Низкий уровень самоубийств, Б	Перу, Антигуа и Барбуда, Индонезия, Кувейт, Греция, Италия	Данные ВОЗ
Доступность и качество образования, С	Финляндия, Япония, Южная Корея, Канада, Нидерланды	PISA, ЮНЕСКО
Доступность жилья и жилищные условия, С	Швейцария, Норвегия, Нидерланды, Германия, Австрия	OECD Better Life Index
Уровень социальной защиты, С	Дания, Финляндия, Швеция, Франция, Германия	OECD

По результатам проведенного исследования наиболее высокий уровень реализации права на жизнь (в части социальных критериев) выявлен в Исландии и Финляндии. Так, представляется необходимым выявить правовые особенности данных стран. В этих странах сформирован интегративный правовой режим защиты жизни. Правовые факторы, которые оказывают влияние на реализацию права на жизнь – это прямое действие международных договоров, экстерриториальная юрисдикция омбудсменов и конституционализация социальных прав.

Правовая система Исландии относится к скандинавской правовой семье, близкой к романо-германской, с сильным влиянием датского права. В Исландии и Финляндии действует монистическая или сильно интегрированная дуалистическая система в отношении прав человека.

Так, например, в стране А право на жизнь закреплено только конституцией. В то же время в Исландии судья может напрямую сослаться на прецедентную практику Европейского суда по правам человека, создавая «двойную защиту» и не позволяя государству произвольно толковать, что такое «угроза жизни».

Парламентскому омбудсмену Исландии граждане могут жаловаться на действия органов государственной власти. Граждане могут обратиться с жалобой на бездействие полиции. Поскольку парламентский омбудсмен имеет высокий авторитет и наделен нужным количеством полномочий, реагирование на произвол произойдет быстро.

В Финляндии создана сеть специальных омбудсменов (по делам пожилых, пациентов), которые следят за тем, чтобы право на жизнь не нарушалось в социальной сфере. Если пожилому человеку отказывают в жизненно необходимом уходе, это может быть расценено как нарушение права на жизнь, и специальный омбудсмен по делам пожилых имеет право вмешаться. Кроме этого, в Финляндии есть институт юридического уполномоченного эдускунт, он осуществляет деятельность по контролю за законностью действий государственных органов, наделен правом возбуждать уголовные дела в отношении должностных лиц.

В Финляндии и Исландии право на жизнь прямо связано с правом на достойный уровень жизни. Стоит еще раз подчеркнуть, что обязанность государства по созданию достойного уровня жизни – это прерогатива социального государства, каким являются рассматриваемые государства.

Каковы должны быть социальные стандарты, отвечающие понятию «достойная жизнь», с таким запросом Государственная Дума РФ обращалась к Конституционному суду РФ (далее по тексту – КС РФ) о толковании понятий «достойная жизнь» и «свободное развитие человека». Однако КС РФ отказал в принятии данного запроса, сославшись на отсутствие у суда законодательных полномочий.

В докладе Исследовательского института социального развития ООН, уровень жизни определяется как степень удовлетворения материальных и духовных потребностей людей

массой товаров и услуг, используемых в единицу времени [Доклад № 3 Исследовательского института социального развития ООН, 1996]. Статья 25 Декларации закрепляет, что каждый человек имеет право на жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи, и право на обеспечение на случай безработицы, болезни, инвалидности, вдовства, наступления старости или иного случая утраты средств к существованию по независящим от него обстоятельствам.

Возвращаясь к тому, что КС РФ отказался устанавливать критерии уровня достойного жизни несмотря на то, что Россия также является социальным государством, в Исландии и Финляндии такие критерии есть. Безусловно, КС РФ отказал в запросе Государственной Думы РФ, т.к., это не входит в полномочия суда. В Исландии данный перечень, следующий:

- размер социальной помощи;
- пенсионное обеспечение;
- доступ к медицинским услугам;
- жилищные пособия.

В скандинавской модели социальные права – это субъективные права, обеспеченные судебной защитой, в России данные критерии остаются целевыми ориентирами, реализация которых может оставаться на усмотрение. Несмотря на то, что в правовой российской системе многих из данных критериев закреплены и реализованы, социальные права часто остаются декларативными и имеют слабую институциональную защиту.

Определение достойного уровня жизни связано с экономическим положением страны, нравственными устоями в обществе, с правом социального обеспечения, а также, как указывают некоторые исследователи, с менталитетом [Павлова, 2015], так, в рамках настоящего исследования вопросы более детальной регламентации достойного уровня жизни будут рассмотрены декларативно. Углубленный анализ конкретных показателей достойного уровня жизни может стать предметом отдельного исследования.

Право на жизнь реализуется полноценно там, где социальные права имеют конкретное содержание и механизмы защиты. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что реализация права на жизнь прямо связана с системой закрепленных в законодательстве социальных прав, которые в совокупности образуют его содержание (см. Табл. 1). Так, государства можно разделить на те, где право на жизнь сводится к «праву не умереть» и те, которые создают условия, позволяющие достойной, безопасно и полноценно жить.

Другим примером является США. США, в соответствии с Конституцией [Конституция США, 1787], не является социальным государством. Так, в Соединенных Штатах доступ к медицине базируется на наличии страхового полиса, около 25,3 млн человек не имеют страховки [Tolbert et al., 2024]. Кроме того, соединенные штаты сталкиваются с серьезными экологическими проблемами; уровень убийств – остается одним из самых высоких среди развитых стран (G7); смертная казнь сохранена во многих штатах. То есть, право на жизнь в США толкуется узко – как запрет государственного произвола без позитивных обязанностей. Тем самым, низкие показатели США по ключевым критериям реализации права на жизнь напрямую связаны с отсутствием конституционного закрепления социального государства. Таким образом, подтверждается гипотеза о том, что полноценная реализация права на жизнь возможна только там, где государство берет на себя и негативные, и позитивные обязательства, закрепленные на конституционном уровне и обеспеченные механизмами защиты.

Кроме принципа социальности государства стоит отметить, что значительным образом на реализацию права на жизнь влияет светскость государства. В светских государствах право на

жизнь – это естественное право, данное человеку от рождения, которое государство обязуется защищать. В религиозных правовых семьях, например, в мусульманском праве, право на жизнь – это «дар Аллаха, и только Аллах может его забрать». Человек не обладает жизнью, он лишь вверенный хранитель этого дара.

Коран прямо указывает: «благословен тот, в руках которого владычество и который властен над всякой вещью, который сотворил смерть и жизнь...» [Коран, сура 67, аяты 1–2]. Один из самых цитируемых аятов Корана гласит: «Кто убил душу не за душу или за порчу на земле, тот как будто бы убил всех людей. А кто оживил ее, тот как будто бы оживил всех людей».

В научной литературе, посвященной праву на жизнь, традиционно выделяется следующий круг проблем: суицид, эвтаназия, аборт, смертная казнь. Данные вопросы для настоящей работы относятся к биологическому критерию права на жизнь. В рамках настоящего исследования данные аспекты представляют интерес, поскольку именно в них наиболее ярко проявляются различия между религиозным и светским подходами к пониманию права на жизнь.

В мусульманском праве право на жизнь трактуется иначе, чем в европейском, т.е., человек не имеет права распоряжаться своей жизнью по своему усмотрению. Суицид (как форма прекращения жизни) запрещен, Коран: «и не убивайте самих себя». Самоубийство воспринимается как посягательство на «собственность Аллаха».

Библия также приравнивает самоубийство к убийству. Христианство как доминирующая религия на европейской территории предопределила отношение к данному деянию.

На территории Европейского Союза ряд стран не является светскими. К таким относятся: Исландия, Ирландия, Греция, Дания и некоторые другие. Данные страны являются лидерами по реализации права на жизнь. Здесь важно отметить, что страны не относятся к религиозной правовой семье, т.к., религиозные нормы не являются источниками права, в Греции церковь имеет институциональное значение, в других странах – скорее символическое и культурно-историческое значение.

Самоубийство не криминализировано (то есть, за попытку самоубийства не предусмотрена уголовная ответственность, в отличие, например, от Кении, Нигерии, Пакистане и др.).

То есть, светскость следует отделять от религиозного права, формальное наличие религии в конституции не всегда связано с теократией. Мусульманское право, будучи сакральным, тем не менее допускает лишение жизни, но строго в рамках закона, допускается смертная казнь, например, за умышленное убийство.

Как и в западных системах, ислам предписывает государству защищать жизни подданных, но с религиозным обоснованием. Например, социальный критерий права на жизнь – медицина, объясняется следующим образом: «Бог не создал болезни, не создав средства для ее излечения». Выплата закята (обязательной милостыни) – юридическая обязанность мусульманина и общины кормить голодных, также декларируются: запрет вырубать деревья и убивать животных без необходимости.

Заключение

По итогам данного анализа подтверждается вторая и третья гипотеза, так можно сформулировать следующие выводы.

1. Как было показано в работе, человек является биосоциальным существом, а его жизнь представляет собой единство биологического и социального начал. Соответственно, право на жизнь не может ограничиваться запретом произвольного лишения жизни, но включает и право на достойное существование. В странах, достигших наиболее высокого уровня социального

обеспечения биологические показатели также демонстрируют стабильно высокие результаты. Социальные условия выступают фундаментом для биологического права на жизнь.

2.Россия, провозглашённая социальным государством в соответствии со статьей 7 Конституции РФ, принимает на себя обязанность создавать условия, обеспечивающие достойную жизнь и свободное развитие человека. Однако реализация этой обязанности невозможна без четких, законодательно закреплённых критериев того, что следует понимать под «достойной жизнью». Анализ подтвердил, что биологический и социальный критерии права на жизнь находятся в неразрывном единстве. Отсутствие социального критерия делает невозможным полноценное биологическое существование человека.

Четвертая гипотеза подтвердилась частично. Принцип светскости не оказывает такого эффекта, как предполагалось. Страны-лидеры являются социальными, демократичными государствами, но не все из них светские.

Проведенное исследование было направлено на доказательство несостоятельности узкого подхода, сводящего право на жизнь исключительно к запрету произвольного лишения жизни, и обоснование необходимости его понимания как комплексного института, включающего позитивные обязанности государства.

В результате сравнительно-правового анализа конституционных моделей различных правовых семей и эмпирических данных международных рейтингов были выделены биологические и социальные критерии реализации права на жизнь. Биологические критерии – низкий уровень убийств, детской смертности, самоубийств, отсутствие вооружённых конфликтов, запрет смертной казни, качество расследований, отражают защиту физического существования человека. Социальные критерии – доступность медицины, качество экологии, образование, жилье, уровень социальной защиты, судебная независимость, характеризуют условия достойного существования.

Анализ показал, что полноценная реализация права на жизнь обеспечивается там, где государство берет на себя негативные и позитивные обязательства, закреплённые на конституционном уровне и подкреплённые конкретными, измеримыми критериями достойного уровня жизни. В странах-лидерах такие критерии существуют и обеспечены эффективными институтами защиты прямым действием международных договоров, системой омбудсменов и конституционализацией социальных прав.

Библиография

- 1.Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 марта 2014 г. № 9.
- 2.Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 10 декабря 1998.
- 3.Международный пакт о гражданских и политических правах : принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Ведомости Верховного Совета СССР, 1976 г., № 17, ст. 291.
- 4.Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах : принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Ведомости Верховного Совета СССР, 1976 г., № 17, (1831), Сборник «Достающее международное право», Т.2 .
- 5.Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года (в ред. от 24.06.2013) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 20. Ст. 2143.
- 6.Конституция Соединённых Штатов Америки от 17 сентября 1787 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Text/cnstUS.htm>.
- 7.Конституция Японии : промульгирована 3 ноября 1946 г., вступила в силу 3 мая 1947 г. // Конституции

- зарубежных государств : сборник / сост. В. В. Маклаков. М., 2010. С. 350.
8. Основной закон Федеративной Республики Германия : принят 23 мая 1949 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/germany.pdf>
9. Конституция Грузии : принята 24 августа 1995 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/georgia.pdf>.
10. Доклад № 3 Исследовательского института социального развития ООН. Женева, 1996. С. 8.
11. Закон Российской Федерации от 28.11.1991 г. № 1948-І «О гражданстве Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации от 1992 г., № 6, ст. 243.
12. Анисимов П.В. Права человека и правозащитное регулирование: Проблемы теории и практики : монография. Волгоград: ВА МВД России, 2004. 252 с.
13. Чистое учение о праве Ганса Кельзена : сборник переводов. С. 205.
14. Матузов Н.И. Право на жизнь в свете российских и международных стандартов // Правоведение. 1998. № 1. С. 198-212.
15. Капинус О.С., Макринская В.И. Право на жизнь и система смежных прав личности // Современное право. 2005. № 9. С. 12-17.
16. Трунтаева К.А. Правовое содержание свободы мысли и слова: вопросы конституционно-правовой теории и практики // Сравнительное конституционное обозрение. 2010. № 1 (74). С. 20–29.
17. Павлова И.Д. Концепция достойного уровня жизни населения в России // Известия вузов. Поволжский регион. Общественные науки. 2015. № 2 (34). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-dostoinogo-urovnya-zhizni-naseleniya-v-rossii>.
18. Амельчаков О.И. Право на жизнь: к вопросу о сущности понятия // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. № 2 (44). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-na-zhizn-k-voprosu-o-suschnosti-ponyatiya>.
19. Любчик А.А., Максименко М.Н. Свободы человека: философский фетиш или юридическая реальность // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 3 (148). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svobody-cheloveka-filosofskiy-fetish-ili-yuridicheskaya-realnost>.
20. Tolbert, J. Key Facts about the Uninsured Population / J. Tolbert, S. Cervantes, C. Bell, A. Damico. // KFF : [website]. December 18, 2024.
21. Коран / перевод с арабского и комментарии М.-Н. О. Османова. Москва : Ладомир, 1995. 780 с.

The Right to Life in the System of Constitutional Values: Comparative Legal Analysis of Implementation and Evaluation Criteria

Sof'ya A. Makhova

Student,
Saint Petersburg Branch named after V.B. Bobkov
of the Russian Customs Academy,
199178, 22, Ural'skaya str., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: maxova30@bk.ru

Andrei R. Fedorov

Student,
Saint Petersburg Branch named after V.B. Bobkov
of the Russian Customs Academy,
199178, 22, Ural'skaya str., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: mkg@jur.unn.ru

Abstract

The right to life is traditionally viewed through the prism of the negative obligations of the state – primarily in the context of discussions on the death penalty, euthanasia, and determining the moment of the emergence of life. However, to date, the substantive content of the right to life remains insufficiently disclosed both in doctrine and in constitutional acts, where a narrow approach dominates, reducing it mainly to the prohibition of arbitrary deprivation of life. This approach, in the authors' opinion, does not take into account that a human being is a biosocial creature, and their life represents an inseparable unity of physiological existence and social being, including the possibility of self-realization, dignity, freedom of choice, and participation in public life. Accordingly, the realization of the right to life presupposes not only protection from violent death and physical violence, but also the active creation by the state of conditions for a dignified, full-fledged, and safe existence of every person – including access to medical care, an environmentally safe environment, social security, a decent standard of living, and justice. The article conducts a comparative legal analysis of approaches to the consolidation and realization of the right to life in the constitutions of various states, including the Russian Federation, Germany, the USA, France, and Japan, with the aim of identifying common trends, national peculiarities, and criteria for evaluating the effectiveness of the realization of this right. Special attention is paid to the formation of a system of indicators (criteria) for assessing the observance of the right to life by the state, including indicators of the level of crime and violence, accessibility of medical care, state of the environment, level of social protection of the population, as well as compliance with procedural guarantees when using force by law enforcement agencies. Based on the conducted analysis, the authors come to the conclusion that it is necessary to expand the constitutional doctrine of the right to life by including in its content not only

For citation

Makhova S.A., Fedorov A.R. (2026) *Pravo na zhizn' v sisteme konstitutsionnykh tsennostey: sravnitel'no-pravovoy analiz realizatsii i kriterii otsenki* [The Right to Life in the System of Constitutional Values: Comparative Legal Analysis of Implementation and Evaluation Criteria]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (6A), pp. 138-151. DOI: 10.34670/AR.2026.50.39.017

Keywords

Right to life, freedom, prohibition of arbitrary deprivation of life, constitutional value, obligations of the state, dignified existence, comparative legal analysis, evaluation criteria.

References

1. Amel'chakov O.I. *Pravo na zhizn': k voprosu o sushchnosti ponyatiia* // Vestnik Kazanskogo iuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2021. № 2 (44). [Elektronnyi resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-na-zhizn-k-voprosu-o-suschnosti-ponyatiya>.
2. Anisimov P.V. *Prava cheloveka i pravozashchitnoe regulirovanie: Problemy teorii i praktiki : monografiia*. Volgograd: VA MVD Rossii, 2004. 252 s.
3. Chistoe uchenie o prave Gansa Kel'zena : sbornik perevodov. S. 205.
4. Doklad № 3 Issledovatel'skogo instituta sotsial'nogo razvitiia OON. Zheneva, 1996. S. 8.
5. Kapinus O.S., Makrinskaia V.I. *Pravo na zhizn' i sistema smezhnykh prav lichnosti* // Sovremennoe pravo. 2005. № 9. S. 12-17.
6. Konstitutsiia Gruzii : prinjata 24 avgusta 1995 g. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/georgia.pdf>.

7. Konstitutsiia Iaponii : promul'girovana 3 noiabria 1946 g., vstupila v silu 3 maia 1947 g. // Konstitutsii zarubezhnykh gosudarstv : sbornik / sost. V. V. Maklakov. M., 2010. S. 350.
8. Konstitutsiia Rossiiskoi Federatsii: [priniata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabria 1993 g. s izmeneniiami, odobrennymi v khode obshcherossiiskogo golosovaniia 01 iulia 2020 g.] // Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 3 marta 2014 g. № 9.
9. Konstitutsiia Soedinennykh Shtatov Ameriki ot 17 sentiabria 1787 goda. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnstUS.htm>.
10. Konventsii o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod ot 4 noiabria 1950 goda (v red. ot 24.06.2013) // Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. 1998. № 20. St. 2143.
11. Koran / perevod s arabskogo i kommentarii M.-N. O. Osmanova. Moskva : Ladomir, 1995. 780 s.
12. Liubchik A.A., Maksimenko M.N. Svobody cheloveka: filosofskii fetish ili iuridicheskaiia real'nost' // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. 2023. № 3 (148). [Elektronnyi resurs].
13. Matuzov N.I. Pravo na zhizn' v svete rossiiskikh i mezhdunarodnykh standartov // Pravovedenie. 1998. № 1. S. 198-212.
14. Mezhdunarodnyi pakt o grazhdanskikh i politicheskikh pravakh : priniat 16.12.1966 Rezoliutsiei 2200 (XXI) na 1496-om plenarom zasedanii General'noi Assamblei OON // Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR, 1976 , № 17, st. 291.
15. Mezhdunarodnyi pakt ob ekonomicheskikh, sotsial'nykh i kul'turnykh pravakh : priniat 16.12.1966 Rezoliutsiei 2200 (XXI) na 1496-om plenarom zasedanii General'noi Assamblei OON // Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR, 1976 g., № 17, (1831), Sbornik «Dostaiushchee mezhdunarodnoe pravo», T.2 .
16. Osnovnoi zakon Federativnoi Respubliki Germaniia : priniat 23 maia 1949 g. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/germany.pdf>
17. Pavlova I.D. Kontseptsiiia dostoinogo urovnia zhizni naseleniia v Rossii // Izvestiia VUZov. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki. 2015. № 2 (34). [Elektronnyi resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-dostoinogo-urovnya-zhizni-naseleniya-v-rossii>.
18. Tolbert, J. Key Facts about the Uninsured Population / J. Tolbert, S. Cervantes, C. Bell, A. Damico. // KFF : [website]. December 18, 2024.
19. Truntaeva K.A. Pravovoe sodержanie svobody mysli i slova: voprosy konstitutsionno-pravovoi teorii i praktiki // Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie. 2010. № 1 (74). S. 20–29.
20. Vseobshchaia deklaratsiia prav cheloveka (priniata General'noi Assambleei OON 10.12.1948) // Rossiiskaia gazeta. 10 dekabria 1998.
21. Zakon Rossiiskoi Federatsii ot 28.11.1991 g. № 1948-I «O grazhdanstve Rossiiskoi Federatsii» // Vedomosti S"ezda narodnykh deputatov Rossiiskoi Federatsii i Verkhovnogo Soveta Rossiiskoi Federatsii ot 1992 g., № 6, st. 243.